240
948

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢРНОСТЬ“ № 24.

Ивановo-Вознесенский
ГУБЕРНСКИЙ АРХИВ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Секция
№ 7857.

ДЕСПОТИЗМЪ.

Цѣна 3 коп.

МОСКВА
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1907.

Нет /Б

Книгоиздательство „Вѣрность“ имѣетъ цѣлью:

1) изданіе и распространеніе брошюръ и книгъ, съ цѣлью раскрытія и уясненія *общихъ основъ* русской монархической государственности, покоющихся на религіозно-нравственныхъ, научныхъ и историческихъ началахъ, и

2) изданіе и распространеніе брошюръ и книгъ, отвѣчающихъ запросамъ текущихъ интересовъ даннаго момента, разъясняющихъ эти запросы съ упомянутой точки зрѣнія.

Изданіе не коммерческое. Цѣна брошюрамъ и книгамъ возможно дешевая.

Адресъ книгоиздательства: Москва, Лиховъ пер., Епарх. домъ, протоіерею Іоанну Восторгову.

240 948

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢРНОСТЬ“ № 30.

50605 п

ДЕСПОТИЗМЪ.

Цѣна 3 коп.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1907.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 25036 1963

Деспотизмъ.

Гдѣ на первомъ планѣ стоитъ нравственное совершенство, тамъ главная роль принадлежитъ смиренномудрію; гдѣ царитъ исключительно борьба за существованіе, тамъ нѣтъ ревниваго воспитанія добродѣтели, зависящей отъ забвенія своей личности, а единственно лишь горделивое сознаніе и превознощеніе послѣдней. Что является отличительной чертой каждаго отдѣльнаго человѣка, то часто опредѣляетъ и цѣлый народъ: нравственный подвигъ можетъ принадлежать отдѣльной личности, можетъ избираться и цѣлымъ народомъ.

Это и случилось со всѣмъ человѣчествомъ. Тогда какъ большинство народовъ, увлеченное поклоненіемъ земному благополучію, вступило на путь борьбы за него, и приняло всѣ принципы древняго искусителя,—меньшинство избрало ‹благую часть› и отрѣшившись отъ земныхъ радостей, усвоила завѣты Великаго Учителя. Такъ называемая, западная жизнь

занялась превозношеніемъ человѣческой личности, усвоила и провела въ жизнь чисто языческія понятія о чести и собственномъ достоинствѣ; жизнь Восточной Европы, т.-е. Русскаго народа обратила исключительное вниманіе на христіанскіе принципы и воспитала смиренномудріе.

Нельзя найти болѣе «христіанскаго» народа, какъ Русскій... Стремленіе къ подвижничеству, впитанное въ плоть и кровь его, охватило всю его жизнь и создало особенный, отличный отъ всѣхъ народовъ, христіанскій бытъ. По крайнему недомыслію обыкновенно признается исключительное вліяніе религіи на личность и на государственность; отсюда многіе утверждаютъ, что христіанство можетъ накладывать свой отпечатокъ на политиканство и на каждаго отдѣльнаго человѣка, и только... Христіанскія добродѣтели, т. о. могутъ быть украшеніемъ гуманной политики и подвижника. Но это, какъ мы сказали, недомысліе и скорѣе всего тенденціозное... Искреннѣе, лучшіе изъ мыслителей, въ особенности Русскіе, почти единогласно и при томъ неопровержимо утверждаютъ главнѣйшее вліяніе религіи на бытовую сторону человѣчества; отсюда представляется возможность заключенія (по крайней мѣрѣ о христіанскихъ странахъ), что тѣ народы могутъ быть

названы христіанскими, гдѣ весь бытъ носитъ характеръ христіанства, гдѣ отличительныя христіанскія добродѣтели являются принадлежностью не отдѣльныхъ только личностей, но вообще всего народа. Съ этой точки зрѣнія мы и утверждаемъ, что къ русскому народу можетъ быть приложено названіе «христіанскаго».

Коснемся самой главнѣйшей христіанской черты—смиренія, какъ краеугольнаго камня христіанскаго совершенствованія. «Духовное нищенство» съ приниженіемъ собственной личности, зачеркиваніемъ собственнаго достоинства, отсутствіемъ горделиваго самохвальства—является чуть ли не исключительно свойствомъ русскаго народа. Тогда какъ любой изъ европейцевъ только и говоритъ о чести и собственномъ достоинствѣ» (по существу дѣла понятіяхъ чисто языческихъ), русскій человѣкъ никогда не станетъ съ гордостью заявлять ни предъ кѣмъ, даже передъ самимъ собой своихъ положительныхъ сторонъ; онъ не способенъ хвастаться всѣмъ, чѣмъ богата его духовная культура, напротивъ, скорѣе появится на его устахъ самоукореніе въ тѣхъ недостаткахъ жизненной обстановки и нравственнаго общежитія, которыя ему хотѣлось бы уничтожить. Такъ порицая себя, онъ находитъ лучшее у другихъ

народовъ, восхищается имъ и не скупится на похвалы. Понятно, почему русскій человѣкъ, посѣщая чужія страны, или принимая иностранцевъ у себя, говоритъ только о чужомъ, считая свое какъ бы недостойнымъ вниманія. И это не признакъ только простой вѣжливости, это — великое христіанское смиреніе. Не ненависть къ своему родному и дѣйствительное признаніе его несовершеннымъ, а именно смиреніе, потому что опять-таки можно утверждать, что нѣтъ народа болѣе любящаго свою родину, какъ русскій. Трудность для русскихъ людей переселенчества, требующаго оставленія родины и приспособленія къ чему-то новому, легко переносимая и даже увлекающая иностранцевъ, любящихъ больше жизненную роскошь, чѣмъ родину,—является яснымъ для этого доказательствомъ.

Къ сожалѣнію, то, что является достоинствомъ русскаго христіанства, это же самое является страшнымъ порокомъ русскаго-отщепенца. *Смиреніе* при отсутствіи христіанской настроенности легко переходитъ *въ отреченіе.* Наше «передовое» общество, т. н. интеллигенція, давно уже оторвавшая отъ народной жизни и отказавшаяся отъ всего народнаго не кстати усвоила эту способность самоукоренія, съ тѣмъ только отличіемъ, что бичеванію предаются не

собственныя свойства, по существу совершенно отличныя отъ обще-русскихъ, а *лишь все русское*. Мы уже привыки къ насмѣшкѣ, безпощадной критикѣ и ненависти къ намъ иностранца, для котораго не могутъ быть пріятными наше государственное грозное величіе и наша непонятная для него, духовная культура, но въ этомъ мало бѣды. Несчастье въ томъ, что вся Россія переполнена своими иностранцами, т. н. образованнымъ, интеллигентнымъ обществомъ. Здѣсь произведено полнѣйшее «отреченіе» отъ всего своего...

Отреченіе это въ послѣдніе дни доведено до такихъ крайнихъ границъ, что даже самое разсужденіе о русской народности, народныхъ нравственныхъ принципахъ, отличительныхъ свойствахъ самобытной культуры, государственности и т. п. кажется почти неприличнымъ, неделикатнымъ и даже невозможнымъ. За доказательствомъ ходить недалеко. При составленіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь Государя Императора покойной Государственной Думой, въ концѣ концовъ оказалось *даже невозможнымъ* упоминаніе самого понятія «*русскій народъ*», какъ будто такого народа вовсе не существуетъ, а есть *вообще* народъ, населяющій такъ называемую (очевидно по недоразумѣнію) Россійскую имперію... И даже когда

раздался голосъ одного проснувшагося русскаго сердца къ національному русскому сознанію на столь дерзкое приниженіе русскихъ правъ, «космополитическіе народники» не постѣснялись покрыть голосъ заживо-погребаемаго народа издѣвательскимъ смѣхомъ и даже чуть ли не свистомъ. Не болѣе благородно встрѣтила эту мерзѣйшую выходку «перваго русскаго парламента» пресса, заявляющая право на самое вѣрное изображеніе «жизни страны»... Едва ли десять газетъ нашли возможнымъ возмутиться такимъ деспотизмомъ русскихъ отщепенцовъ.

По истинѣ исполняются теперь во всей неотразимой силѣ слова великаго народника И. С. Аксакова, что въ русскомъ обществѣ «дрогнула вѣра въ свою народность, явилось сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своемъ призваніи, въ своемъ нравственномъ правѣ на самостоятельное духовное развитіе, поникло чувство своего народнаго достоинства, ослабѣло самоуваженіе и зародилось въ душѣ какое то душевное подобострастіе передъ авторитетомъ Западной Европы». Какія сужденія окружаютъ насъ сейчасъ? Каждый, начиная съ самаго «виднаго» и кончая включительно самымъ «мелкимъ либераломъ», непризнанно олицетворяя въ своей личности народное сознаніе, произнося свой «страшный судъ» и смерт-

ный приговоръ всему русскому, неопровержимо заявляетъ, что русскій человѣкъ пришелъ, наконецъ, къ признанію своей политической несостоятельности, объявляетъ полное банкротство въ развитіи своей самостоятельной государственности и теперь, если онъ не хочетъ уступить свое мѣсто въ исторической жизни народу, болѣе способному развиваться, вынужденъ копировать съ другихъ программы и теоріи не только государственной и общественной, но даже семейной и личной жизни. Здѣсь происходитъ неумолимо грозное отрицаніе всего исторически самостоятельнаго, органическаго русскаго и мнимый политическій банкротъ берется въ безпощадную опеку. Деспотизмъ критики страшнаго суда и неотвержимаго отрицанія смѣняется деспотизмотъ опеки. Вмѣсто русскаго органическаго строя общественной и государственной жизни подставляется механизмъ, миленькая стройная теорія, и чисто русскіе принципы жизни рекомендуютъ замѣнить принципами «мірового прогресса» по рецепту Бебеля, Лурьи, Каутскаго или любого изъ видныхъ Марксистовъ; очевидно предполагается, что какъ зубы для русской интеллигенціи могутъ фабриковаться въ любой заграничной фирмѣ, также искусно могутъ сфабриковать въ культурныхъ центрахъ и душу для рус-

скаго человѣка, и правила для поведенія и строя русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ въ послѣднее время мы будто не живемъ, а сочиняемъ жизнь. Разсужденія о дѣйствительности сводятся къ критикѣ нѣкоторой бывшей и уже теперь не существующей жизни. Во всякомъ даже мелкомъ разговорѣ нашихъ дней на исключительныя теперь темы о государственной и общественной жизни каждый собесѣдникъ независимо отъ народности, возраста и пола, выставляетъ себя «истиннымъ» доброжелателемъ «народа», съ пѣной на губахъ говоритъ объ угнетеніяхъ бюрократіи (подъ чѣмъ, кстати сказать, всѣ разумѣютъ Самодержавную Верховную Власть) и закрѣпощеніи «несчастныхъ» соотечественниковъ, лишенныхъ всякой свободы. *Громленіе*, затѣмъ переходитъ въ составленіе новыхъ плановъ.

Диктуются различные рецепты для исцѣленія. До чего они разнообразны,—можно понять заглянувши въ излюбленную теперь «красную» литературу. Не много было до бѣды, если бы «въ новѣйшихъ теоріяхъ» принимало участіе русское творчество, но къ сожалѣнію груды различныхъ брошюръ, статей и проектовъ, завалившихъ не только книжные магазины, но и квартиры психически разстроеннаго русскаго общества, пестрятъ исключительно иностран-

ными авторами. Это—учителя русскаго передового интеллигентнаго общества, отъ нихъ онъ получаетъ свое политическое образованіе и сочиняетъ жизнь для русскаго народа. Чего только здѣсь нѣтъ? Кажется ни одной республиканской, конституціонной, соціаналистической и анархической теоріи не обошли своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. И все, что только не придумано чужой жизнью и досужимъ умомъ, все прилаживается къ русской жизни, и даже не къ жизни а вообще къ чему то русскому, потому что о жизни рѣчи не бываетъ.

Мы здѣсь не беремъ на себя труда критики разнообразныхъ системъ Западнаго государственнаго строя и различныхъ теорій, еще не осуществленныхъ нигдѣ, которыя предлагаются для русскаго исцѣленія; быть можетъ онѣ хороши для другихъ странъ (хотя тоже весьма сомнительно) и даже сами по себѣ, но мы рѣшительно заявляемъ, что имъ нѣтъ мѣста у насъ, потому что самобытная русская жизнь не уложится ни въ одну форму хотя бы даже самаго искуснаго заграничнаго и вообще не жизненнаго издѣлія. Само же прилаживаніе такихъ теорій будетъ величайшимъ изъ деспотизмовъ. Намъ припоминаются въ данномъ случаѣ слова И. Аксакова неопровержимо имъ доказанныя, что «*деспотизмъ те-*

оріи надъ жизнью есть самый худшій изъ деспотизмовъ» потому что это «не скоро проходящій» деспотизмъ личнаго произвола прихоти и страстей, который проявляется иногда въ юридическомъ лицѣ, одаренномъ обширною властью, надъ личностью другихъ людей»—онъ можетъ коснуться лишь частныхъ сторонъ народной жизни и благодаря непродолжительности своей не можетъ принесть большого зла. Современная русская дѣйствительность представляетъ намъ деспотизмъ другого порядка, болѣе вредный по своимъ послѣдствіямъ. Въ жизни нашей родины ощутившей теперь необходимость нѣкоторыхъ усовершенствованій государственнаго строя не трудно замѣтить двухъ сторонъ. Вся Россія какъ бы дѣлится на двѣ части:—съ одной стороны, крестьянское коренное населеніе, сохраняющее нетронутымъ свой народный бытъ и христіанскіе принципы жизни, съ другой—передовое общество, въ громадномъ большинствѣ оторванное отъ народной жизни, отрѣшившееся отъ нея, но не оставляющее претензій на право участія въ ней. Первое мы опредѣляемъ выше какъ смиренную, молчаливую, покорную массу, дорожащую лишь своимъ стремленіемъ къ нравственному совершенствованію, о второмъ скажемъ, что это общество, знающее подъ фирмой «науки и жизни»

лишь свои личныя выгоды и наслажденія матеріальной жизни, претендующее на вѣдѣніе народныхъ потребностей и духовныхъ нуждъ, и опредѣливше, себя совершенно непрошено опекуномъ покорнаго народа.

На какомъ же соотношеніи находятся эти двѣ части состава Россіи? Скажемъ о той и другой въ отдѣльности.

Передовое общество прежде всего признало совершенно несостоятельными принципы народной жизни. Все, чѣмъ жило до настоящаго времени наше крестьянство сравнено съ жизнію другихъ народовъ, открылась пропасть между тѣми и другими, свое родное оказалось мало достигшимъ совершенства въ культурномъ отношеніи, мало приспособленнымъ для наслажденія благами жизни и, какъ таковое, признано непригоднымъ. Рѣшено преобразовать жизнь на новыхъ началахъ «всемірнаго прогресса». Для такой реформы живо родились различные образцы, отчасти скопированные съ жизни другихъ, отчасти созданные въ видѣ теорій просвѣщенными умами. Всѣ эти различныя и разнообразнѣйшія теоріи, о которыхъ говорилось и выше, предлагаются для примѣненія къ русской жизни. Разумный критическій разборъ услужливо рекомендуемыхъ системъ оказался

не особенно нужнымъ, такъ какъ всѣ онѣ болѣе, менѣе удовлетворяютъ научнымъ даннымъ и мнимымъ здравымъ понятіямъ. Отчужденіе мысли и знанія отъ самой жизни столь замѣтны во всѣхъ теоріяхъ, здѣсь вовсе не принято въ расчетъ—были бы лишь теоріи хороши сами по себѣ, а если онѣ, вдобавокъ, еще имѣютъ гдѣ-либо примѣненіе,—онѣ «превосходны». Изслѣдованіямъ самой среды, къ которой рѣшено примѣнить «симпатичныя» теоріи, обыкновенно не дается никакого мѣста, да это и не въ русской «интеллигентной натурѣ»...

Въ высшей степени любопытно въ данномъ случаѣ сужденіе по этому поводу одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ публицистовъ—шестидесятниковъ Изложимъ его въ нѣсколькихъ словахъ. «Если бы какому-нибудь Англичанину, говоритъ онъ, пришлось составлять проекты политическаго устройства Россіи, несомнѣнно онъ прежде всего нашелъ бы нужнымъ освѣдомиться: «какіе имѣются у насъ налицо общественные элементы, какія основы выработаны исторіею, какіе идеалы продолжаютъ жить въ народномъ сознаніи или выражались въ теченіе нашей тысячелѣтней исторической жизни». Затѣмъ приложено было бы стараніе уловить «какой-нибудь главный жизненный историческій нервъ» и отдѣлить «суще-

ственное» въ неизвѣстной ему жизни отъ менѣе важнаго. Послѣ всего этого составлялся бы проектъ.

Совершенно иначе поступилъ въ данномъ случаѣ русскій. Общественные элементы, историческія данныя и «жизненные нервы» народной жизни для него излишни. Самое главное для него — это то, какъ жила, живетъ и какъ думаетъ опередившая насъ Европа... Вмѣсто всякихъ систематическихъ историческихъ данныхъ и отличительныхъ свойствъ своей родины русскому преобразователю достаточно видѣть нѣсколько «новѣйшихъ теорій» передовыхъ странъ и видныхъ заграничныхъ авторитетовъ — и Россія будетъ передѣлана. Онъ не задумываясь долго, усваиваетъ совершенно непонятные ему принципы «свободы, народовластія, революціи» и въ такомъ всеоружіи знаній преобразованія жизни зоветъ къ борьбѣ съ «насиліемъ» за «свободу и право». Онъ узнаетъ, что Европа боролась съ властію за «свободу», устанавливала республики и конституціи и послѣ этого ему слѣдуетъ только подыскать хоть что-либо похожее въ русской государственной жизни, тотчасъ не замедлитъ появиться призывъ къ устройству баррикадъ «созыву» учредительнаго собранія и водворенію хотя бы даже республики или соціалистическаго строя.

Вотъ та глубокомысленность и основательность, которыя руководятъ нашимъ передовымъ «образованнымъ» классомъ населенія. Для нашихъ прогрессистовъ совершенно непонятно, что вмѣсто хваленой свободы ими допускается невѣроятно деспотическое насиліе. Мы ужасаемся, когда слышимъ о деспотическомъ отношеніи человѣка надъ насѣкомыми зависящими отъ него, мучаемся воспоминаніями о деспотахъ и временщикахъ тираннахъ, проявляющихъ временно насилія изъ за своихъ капризовъ, страстей или личныхъ выгодъ надъ цѣлой страной, но въ то же время мы съ равнодушнымъ лицомъ и, что хуже всего, — въ большинствѣ — съ спокойной совѣстію встрѣчаемъ и безучастно переносимъ бѣшенство деспотизма сумасброднаго передового революціоннаго общества, которое съ десятками различныхъ теорій въ рукахъ (даже не въ головѣ), безпощадно разрушаетъ все, чѣмъ жило, росло, крѣпло и достигло грозной величественности наше отечество. Едва ли даже Неронъ съ такимъ воодушевленіемъ пѣлъ при пожарѣ Рима, какъ наша интеллигенція восхищалась и восхищается при успѣхахъ революціонныхъ бандъ, разрушающихъ все, что дороже всего нашей природной совѣсти и народному быту. И каждый позволяетъ себѣ утѣшаться тѣмъ, что все

изувѣрство дѣлается для народнаго блага, что народъ «безсознательно» нуждается въ выходѣ къ свѣту и сознающіе это должны работать за него. Неужели непонятно ни для кого, что народныя массы не въ силахъ отречься отъ всего, что для нихъ самое дорогое, что составляетъ плодъ многовѣковой исторіи, что представляетъ область болѣе, чѣмъ привычки— достояніе плоти и крови.

Если нашему интеллигенту (въ чемъ онъ долженъ же, наконецъ, сознаться) почти невозможно отказаться отъ того, что пріобрѣтено имъ въ теченіе двухъ, трехъ десятковъ роскошной жизни, то многомилліонному народу еще болѣе невыносимо проститься съ тѣмъ, что является тысячелѣтней привычкой. Нашъ интеллигентъ не можетъ отказаться отъ послѣобѣденнаго сна, отъ чаю или кофе, потребляемыхъ имъ аккуратно каждый день въ одно и то же время, не можетъ жениться, если онъ привыкъ къ удобствамъ холостяцкой жизни, не можетъ смирять себя постной пищей и воздержаніемъ, если онъ не пріученъ къ этому съ дѣтства... Отъ народа же требуется отреченіе отъ того, что составляетъ привычку и идеалы его духа и, при томъ, отказаться отъ всего этого во имя обѣщаемыхъ, но далеко не обезпечиваемыхъ, земныхъ благъ и только потому, что это

нравится либераламъ, заявляющимъ себя народными благодѣтелями. Правда, народное сознаніе *почти* безмолвствуетъ; если и слышатся взрывы народнаго негодованія, выражающагося въ десяткахъ погромовъ революціонной еврейской націи и жидовствующей интеллигенціи, виновность ихъ взваливается на «черносотенное» правительство, и поголовное черносотенство народныхъ массъ приписывается ихъ темнотѣ; но пусть признается, наконецъ, наше сознаніе, что, только благодаря этой темнотѣ, благодаря безсознательному отношенію ко всему, что дѣлается и христіанскому смиренію народа, мы не видимъ поголовной рѣзни всѣхъ мнимыхъ благодѣтелей и непрошенныхъ преобразователей. И если, дѣйствительно, проснется народъ, «великій, могучій и сильный», подыметъ, наконецъ усталыя отъ долгой дремоты очи и увидитъ, что сдѣлали съ его обычаями, вѣрою, преданіемъ, историческою жизнію и всѣмъ, на что онъ пріобрѣлъ уже право въ многовѣковой и тяжелой борьбѣ,—у него хватитъ силъ и энергіи смести все новое, какъ ненужный соръ, грязнящій красоту его духа!... Пусть не обольщаются наши преобразователи своей вывѣской «любви къ народу»—воровской разбойничій вертепъ откроется и тогда каждый получитъ по своимъ заслугамъ!!...

Можетъ быть, для нашихъ революціонеровъ не понятна ихъ отчужденность отъ народа? Можетъ быть, они въ правѣ считать себя его друзьями?

Вся ихъ ошибка въ томъ, что они не считаются со всѣми народными понятіями и народной жизнью. «Принадлежать народу», говоритъ А. С. Хомяковъ, «значитъ съ полною и разумною волею сознавать и любить нравственный и духовный законъ, проявляющійся въ его историческомъ развитіи и, если вмѣсто любви къ русской жизни, будетъ горделивое презрѣніе къ ней съ восхваленіемъ всего чужеземнаго, если будетъ проповѣдываться все, несогласное съ вѣрой и усвоенными понятіями и привычками жизни—тогда вмѣсто любви—будетъ одна вражда къ народу и грѣхъ сознательной злой воли долженъ получить достойное возмездіе.

Деспотичность нашихъ преобразователей, обмундировывающихъ народную жизнь въ различныя, часто возмутительныя по своей лживой противорѣчивости, новѣйшія теоріи, дошла до того, что, въ большинствѣ, даже не справляются съ тѣмъ, какъ понимаетъ масса тѣ или другіе ея общественные и государственные принципы. Для примѣра коснемся двухъ самыхъ больныхъ и въ тоже-время главныхъ положеній нашей страны: вопроса о власти вообще

и о самодержавіи, какъ государственномъ строѣ, въ частности. Находимъ нужнымъ коснуться ихъ вмѣстѣ, какъ неразрывно связанныхъ.

Послушаемъ рѣчь любого митинговаго оратора или воодушевленнаго «любителя» родины. Всякій изъ нихъ, независимо отъ того, предъ какими слушателями ему приходится распинаться, прежде всего прочитываемъ длинный монологъ изъ исторіи западно-европейскихъ государствъ. Съ жаромъ восхваляется чужеземная революціонная борьба за «свободу» и ниспроверженіе гнета насильниковъ. Цитируются десятки авторовъ, описывающихъ исторію борьбы со «властями», указывается на груды обильнѣйшей литературы по этому бойкому, исключительно интересующему теперь всѣхъ вопросу... Послѣ изложенія вкратцѣ или пространно всей всемірной военно-революціонной исторіи, дѣлается незамѣтный переходъ къ Россіи, рисуется картина современнаго народнаго «рабства», сравнивается «полудикій» необразованный русскій «холопъ» съ лощеннымъ европейцемъ и открывается причина крайней приниженности русскаго мужика—гнетъ и порабощеніе властію. Въ заключеніе слѣдуетъ сумасбродный призывъ къ борьбѣ за свободу, равенство и общее счастіе.

Что отвѣтить на это?

«Россія—земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на Европейскія государства и страны. Очень ошибутся тѣ, которые вздумаютъ прилагать къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить объ ней». Такъ говоритъ Аксаковъ, а съ нимъ и всѣ знающіе и понимающіе болѣе глубоко Россію. Кто читалъ и знаетъ всеобщую гражданскую исторію, для того ясна эта разница, какъ въ самомъ основаніи, такъ и жизни нашего и чужихъ государствъ».

Какую картину представляетъ основаніе европейскихъ государствъ? Это не исторія ровной жизни и развитія народовъ, выясненія ихъ принциповъ нравственности, отличительныхъ чертъ общежитія и воспитанія добродѣтелей, это скорѣе картина кровавой постоянной борьбы однихъ съ другими, море крови и ненависти изъ за торжества, господствованія и порабощенія однихъ другими. Одна могучая физическая сила порабощаетъ другую, восторжествовавшая смѣняется третьей и т. д.... Побѣдители утверждаютъ свою *власть* надъ порабощенными, диктуютъ свою государственность и новые общественные и бытовые порядки, болѣе соотвѣтствующіе ихъ силѣ и крѣпости. Все здѣсь дѣлаетъ *власть* и все дѣлается для власти. Единственнымъ связующимъ зве-

номъ между властями и остальнымъ населеніемъ является исключительно принудительная сила, а отсюда и никогда неумирающая вражда, поэтому если и были здѣсь тишина и видимый миръ, они были явленіями рѣдкими, исключительными и совершенно не свидѣтельствовали о внутреннемъ спокойствіи, обезпечиваемомъ только взаимной любовью.

Таково основаніе почти всѣхъ западныхъ государствъ. Нисколько неудивительно, что слѣдствіемъ насилія, рабства и вражды явилась революціонная борьба за народовластіе, равенство и свободу всѣхъ.

Совершенно другая картина русской исторіи.

Основаніе величайшаго русскаго государства было исключительно дѣломъ славянскаго народа, коренного, природнаго хозяина своей земли; оно создалось не завоеваніемъ, а естественнымъ путемъ объединенія, сродныя по духу элементовъ, когда почувствовалась необходимость сплоченности для отраженія нападеній сосѣдей. Здѣсь и появилась власть. Но она явилась не слѣдствіемъ завоеванія и порабощенія, а плодомъ сознанія необхидимости установленій внутренняго порядка и внѣшняго отношенія къ другимъ народамъ. Она добровольно (какъ нигдѣ въ другихъ странахъ)—призвана русскими людьми въ то время, когда ощутилась потребность правя-

щей руки и явилась здѣсь не какъ грубая сила, ненавистная народу. а какъ желанная и признанная ими власть. Итакъ, въ западной исторіи власть имѣетъ основаніе физическое (насильственное), въ русской—чисто нравственное, и если въ отношеніяхъ между государственной властью и народомъ въ западныхъ странахъ всегда лежали, какъ опредѣляетъ это К. Аксаковъ,—«насиліе, рабство и вражда», въ русской землѣ «добро, вольность, свобода и миръ».— Бросимъ хоть бѣглый взглядъ на всю русскую исторію и предъ нами встанетъ со всей ясностью и полной неотразимостію любовное отношеніе между народомъ и властью: кто найдетъ хоть одинъ фактъ родной исторіи, свидѣтельствующій о борьбѣ за попранную свободу, за желаніе народа лично властвовать (чрезъ своихъ выборныхъ) за независимость отъ законой власти? Такихъ случаевъ нѣтъ и они невозможны. Мѣстныя частичныя волненія касались лишь вопроса «кому владѣть», а не власти, вообще принципіально она всегда призывалась. Причиной волненій были подстрекательства хитрыхъ аферистовъ—бунтарей, самообольщенныхъ мечтателей властительства. Въ послѣдніе вѣка мы не знаемъ совершенно никакихъ народныхъ антиправительственныхъ движеній. Волновалось лишь «интеллигентное

общество», смѣшившее собою прежнихъ «лжедмитріевъ» и стремящееся навязать народу новыя понятія самовластія или т. п. парламентаризма.

Вопросъ о власти вообще приводитъ по необходимости къ вопросу о ея выраженіи. Западная жизнь, съ ненавистнымъ, враждебнымъ отношеніемъ народа къ властителямъ, послѣ борьбы съ послѣдними выработала новыя формы самоуправленія—парламентарный или конституціонный строй. Русская жизнь съ своимъ любовнымъ признаніемъ власти создала Русское Самодержавіе. Русскій народъ, оставивши за собой право свободной бытовой организаціи и личнаго самоопредѣленія въ дѣлѣ своей государственной жизни, ввѣрилъ свою совѣсть—совѣсти Царя, предоставивши Ему безконтрольное право самолично и въ то же время законно вѣдать всей государственной жизнью; со стороны народной дается въ данномъ случаѣ довѣріе и подчиненіе личности Государя, представляются всѣ средства для внутренней организаціи и внѣшней политики (деньги и войско); со стороны Царя — отеческая безкорыстная (потому что искать своего тамъ, гдѣ все свое—невозможно) заботливость о народѣ и являющаяся съ психологической необходимостью доброжелательная дѣятельность для него (народа).

Связующимъ звеномъ, т. е. здѣсь является беззавѣтная любовь между Царемъ и народомъ.

Народъ всегда любилъ и любитъ своего Царя, какъ добровольно признаваемаго имъ любвеобильнаго отца и правдиваго распорядителя и судью и Самодержавіе, поэтому для народнаго сознанія представляется священнонеприкосновеннымъ. Въ этомъ смыслѣ даже ненормальности не являются исключеніями: исторія свидѣтельствуетъ, что народъ порицалъ не высокія качества нѣкоторыхъ царей, какъ личностей, но въ то же время всегда глубоко чтилъ ихъ какъ Самодержцевъ и Помазанниковъ Божіихъ. Весьма умѣстно въ данномъ случаѣ вспомнить почтительное народное отношеніе даже къ такимъ правителямъ, какъ Іоаннъ Грозный, о грѣхахъ дѣятельности и жизни котораго народъ всегда проливалъ слезы, но никогда не позволялъ себѣ ругаться надъ его Царской личностью. Наоборотъ, въ жизни западной исторіи народъ если и уважалъ такихъ правителей, какъ Людовикъ Святой, за личныя качества, тѣмъ не менѣе, ненавидѣлъ ихъ, какъ властелиновъ. Глубокая связь между Царемъ и народомъ, какой не можетъ быть ни въ одномъ государствѣ Западной Европы, ясно доказываетъ, что неограниченное Самодержавіе есть главный основ-

ной устой нашего государственнаго строя, потому что онъ есть принципъ народный, требованіе его совѣсти. Законъ Царя есть его совѣсть, совѣсть царская есть совѣсть народная и поэтому все исходящее отъ Царя не можетъ быть отвергнуто народомъ. Можно критиковать все, что около Царя, въ правительственномъ управленіи, что можетъ быть парализуетъ благодѣтельную распорядительность Самодержца, но отрицать Самодержавіе невозможно ни въ какомъ случаѣ, потому что оно есть требованіе безконтрольной народной совѣсти.

Итакъ, мы видимъ теперь отношеніе русскаго народа къ власти и Самодержавію — это народные нерушимые принципы. Исключеніе и отрицаніе ихъ не только непозволительно, но даже преступно. Въ нихъ сила Россіи и залогъ ея могучаго развитія Нельзя дѣлать по капризу нашихъ новаторовъ русскій народъ французскимъ, англійскимъ или Бебелевскимъ, онъ долженъ остаться самимъ собою, со своими народными особенностями. Наполеонъ 1-й геніально утверждалъ: «стоитъ только Русскому Императору отпустить себѣ бороду и онъ непобѣдимъ». Вся сила Россіи коренится въ своеобразныхъ русскихъ устояхъ жизни, не похожей ни на какую; поэтому отчужденіе отъ народнаго духа съ

проведеніемъ всякихъ западно-европейскихъ и соціальныхъ теорій, деспотически навязываемыхъ народу, есть сознательное разрушеніе основъ нашей государственности и гибель народа, есть величайшій изъ когда-либо проявлявшихся деспотизмовъ. Пора связать деспотическія руки, воспользовавшіяся смиреніемъ, покорностью и долготерпѣніемъ русскаго народа и безъ всякаго сожалѣнія сокрушающія могущество, силу, благоденствіе и будущее величіе стомилліонной Руси.

ственность великих вождей европейских и сою-
зных троп, достойно увековечивших народ,
есть осязательное разрушение основ нашей госу-
дарственности и любви народа, есть величайший
вред когда-либо проявленных деспотизмом. Пора
сознать деспотическія руки, воспользовавшіеся сми-
реніем, покорностью и долготерпѣніем русскаго
народа и безъ всякаго сожалѣнія сокрушавшія мо-
гущество, силу, благоденствіе и будущее великаго
отечества Русск.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢРНОСТЬ“.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Протоіерей І. Восторговъ. 1) Доброе слово православно-русскому народу. Вып. І. Бога бойтеся. Царя чтите. Власти повинуйся. Не соблазняй и не соблазняйся. Доброе слово земледѣльцамъ и рабочимъ. Изд. 4-е. Стр. 46. Ц. 5 коп.

„ 2) Вып. ІІ. Берегитесь обманныхъ рѣчей (противъ соціалистовъ всѣхъ партій). Стр. 32. Ц. 5 коп.

„ 3) Вып. ІІІ. Опомнитесь, грабители. О погромахъ помѣщичьихъ имѣній. Стр. 8. Ц. 1 коп.

„ 4) Вып. IV. Можно ли христіанину быть соціалистомъ?

„ Стр. 16. Ц. 2 коп.

„ 5) Вып. V. Кто долженъ быть въ Государственной Думѣ. Стр. 16. Ц. 2 к.

„ 6) Соціализмъ и христіанство. Стр. 108. Ц. 35 коп.

„ 7) Государственная Дума и Православно-русская Церковь (Къ вопросу о свободѣ совѣсти и положеніи Церкви въ правовомъ государствѣ; по поводу Думскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти и объ отобраніи церковнаго и монастырскаго имуществъ). Стр. 50. Ц. 15 к.

М. М. 8) Земля и воля. Стр. 24. Ц. 5 коп.

Л. А. Тихомировъ. 9) Соціально-политическіе очерки. Очеркъ І. Гражданинъ и пролетарій. Ц. 10 к.

„ 10) Очеркъ ІІ. „Заслуги и ошибки соціализма“. Ц. 10 к.

11) Сборникъ статей: І. Монархія и республика. М. ІІ. Конституція и Самодержавіе. Ц. 5 к.

12) Русскому воину слово отъ сердца. Ц. 1 коп. (форматъ въ листъ, in 8, in 16 по желанію).

Л. А. Тихомировъ. 13) Христіанство и политика. Ц. 10 к.

Б. Назаревскій. 14) Бюрократія и интеллигенція. Ц. 5 к.

Л. А. Тихомировъ. 15) Плоды пролетарской идеи. Очеркъ III. Ц. 10 к.

Л. А. Тихомировъ. 16) Государственность и религія. Ц. 5 к.

М. Крыжановская (Рочестеръ). 17) На Москвѣ. (Сонъ въ осеннюю ночь). Ц. 5 к.

Димитрій Гофштеттеръ. 18) Разсказы и замѣтки. Въ тяжелые дни. Ц. 5 к.

Д. В—ій. 19) Религія и нравственность. Ц. 5 к.

А. И. Елишевъ. 20) Что такое Землеустроительныя комиссіи. Ц. 5 к.

В. Б. 21) Религіозныя и гражданскія убѣжденія Н. В. Гоголя. Ц. 15 к.

Б. Назаревскій. 22) Передъ выборами. Ц. 5 к.

А. И. Генцъ. 23. Масоны. Цѣна 15 коп.

24. Деспотизмъ. Цѣна 3 коп.

А. И. Елишевъ. 25. Зовемъ ли мы назадъ? Предвыборная рѣчь русскаго патріота. Цѣна 5 коп.

А. Лебедевъ. 26. Смертная казнь и Евангельское ученіе. Ц. 5 к.

Православный священникъ. 27. Смертная казнь по ученію слова Божія и Христа. Ц. 5 к.

А. И. Елишевъ. 28) Новые выборы въ Государственную Думу. Ц. 5 к.

Николай Порохнячъ. 29) Равноправіе Евреевъ. Цѣна 5 коп.

Выписывающіе сотнями пользуются 30% уступки, тысячами — 40% уступки. Пересылка на счетъ книгоиздательства.

Адресъ книгоиздательства „Вѣрность“: Москва, Лиховъ пер., Епарх. домъ, протоіерею Іоанну Восторгову.